

низовую административно-территориальную единицу. По мнению Столыпина, община должна остаться как объединения сособственников на праве общей собственности, «...сохраняющие некоторые преимущества, а именно, неотчуждаемость наделных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом, земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими наделными землями, причём предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов»⁸.

Таким образом, реформой устранялся один из самых наболевших в отечественной юриспруденции вопросов: что такое община — союз сособственников или юридическое лицо? Реформаторы однозначно склонялись в пользу именно общей собственности с тем, чтобы никакого особого общинного коллективного землевладения в гражданском законодательстве больше не было и стройность правовой конструкции коллективной собственности не нарушалась. Статус же юридического лица придавался различным кооперативным объединениям и товариществам.

Помимо общинного союза, в деревне существовал «хозяйственно-юридический» (по трактовке Сената) семейный союз. На начало XX века и наука, и законодатель имели о семье как о юридическом субъекте крайне скудные сведения, что затрудняло отнесение подворного хозяйства к какому-либо виду собственности. В большинстве случаев законодательство передавало свои полномочия рассмотрению вопросов о семье Сенату, обычно праву либо констатировало лишь наиболее общие признаки семейных имущественных отношений. Согласно трактовке из Свода законов видно, что государство не считало необходимым создать из семьи целостный субъект правоотношений: «Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельно свою собственность»⁹.

Согласно обычному праву, семья имела совершенно другие вещные полномочия. Так, современный исследователь И. Н. Милоголова отмечает, что «...нормы обычного права, напротив, рассматривали это (семейное. — *Авт.*) имущество как единое целое... Обычно-правовыми нормами был закреплён складывавшийся веками государственный подход к крестьянской семье как к тягловой единице...»¹⁰. Следовательно, объединённая собственность семьи была залогом платёжеспособности данного хозяйства.

Сенатская практика по вопросам о юридическом положении семьи отличалась крайним противоречием. В одних постановлениях крестьянский двор мог быть юридическим лицом, а в других не имел такого права. Такое разночтение сохранялось вплоть до столыпинской реформы, когда перед законодателями встал вопрос: наделять ли семью общей правоспособностью юридического лица или не смешивать семейный союз с хозяйственным.

Полемика вокруг семейной собственности обострилась в процессе разработки проекта закона «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении» в 1910 году. Особая комиссия, докладывавшая членам Госсовета существо проекта, сконцентрировала внимание аудитории на нескольких принципиальных вопросах: о юридической сущности общины; о правах сельского общества на наделную и усадебную землю; о правах домохозяина на указанную землю; о 24-х годах, после которых общества, где не было переделов, считаются автоматически перешедшими к подворному хозяйству, и о праве государства регулировать юридические отношения своих граждан.

Столыпин чрезвычайно противился сохранению семейной собственности и в качестве правового определения, и как юридического лица. Он настаивал на том, что семейный союз должен основываться либо на основе частной собственности одного члена семьи — домохозяина, либо на базе общей собственности всех её совершеннолетних членов, отождествляя семью с трудовой артелью.

Столыпин не рискнул подрывать патриархальные устои крестьянской семьи, наделяя жену домохозяина правом голоса при распоряжении землёй, и его позиция нашла отражение в законе 1910 года. Так, для обществ, не производящих переделы, «...участки, состоявшие ко времени обнародования настоящего закона в беспорочном постоянном (не арендном) пользовании отдельных домохозяев, признаются личной их или... общею с другими членами семьи собственностью»¹¹. Там же, где переделы производились, к данной формулировке добавлялось указание на необходимость чёткого определения домохозяина как правопреемника семьи перед общиной. Если его не было, а семья вела одно хозяйство, «...споры о том, кто из членов семьи является домохозяином, разрешаются волостным судом»¹².

Таким образом, и указ 9 ноября, и последующие нормативные акты позволили сформировать в рамках гражданского законодательства сложную и многообразную, но чёткую структуру собственнических отношений. С одной стороны, была убрана законодательная архаика, введена

единая терминология, определены источники права и рамки толкования. С другой стороны, декларировалась свобода выбора форм собственности и владения с учётом романо-германских правовых традиций и обычного крестьянского права.

Помимо организационных и правовых вопросов, связанных с модернизацией института собственности, существовала проблема технического размежевания объектов данного права. Значение размежевания заключалось в том, что земля как никакой другой объект гражданских правоотношений нуждается в чёткой фиксации статуса, границ, иных количественных и качественных параметров.

Сам процесс размежевания — это строгая процедура с раз и навсегда установленным порядком мероприятий, в результате которых должно быть составлено не только описание конкретного участка, но и определены так называемые топографические метки, по которым впоследствии будут размежеваны соседние землевладения. Если участок «не ложился» в такие метки, это приводило к земельным спорам, решить которые не всегда представлялось возможным. Поэтому плохо проведённое размежевание даже одного землевладения приводило к тому, что своего правового оформления не получали его соседи, а в итоге — и всё селение. В некоторых случаях конфликты можно было урегулировать только после прямого административного вмешательства исполнительных органов власти.

Между тем проблема размежевания заключалась не только в отведении границ отдельным участкам и помощи при различных видах землеустройства. В более широком смысле оно было призвано охранять интересы собственников, к какой бы форме собственности они ни относились, и в то же время осуществлять государственный учёт и контроль земельного фонда.

Впервые проблема технического размежевания встала сразу после реформы 1861 года. В идеале правительство должно было произвести учёт всех земель в зависимости от того, в чьих руках они оставались, и зафиксировать это в письменном виде. Причём соответствующие бумаги (уставные грамоты) должны были находиться и у крестьян, и у помещиков.

В действительности «межевание при отводе земли крестьянам, когда оно имело место, было проведено из рук вон плохо. Мировые посредники в большинстве случаев просто показывали крестьянам границы их наделов, не закрепляя их в натуре»¹³. Поэтому к XX веку эти границы потеряли своё юридическое значение, вызывая многочисленные судебные тяжбы между крестьянами, помещиками, а нередко и сельскими обществами. Вследствие это-